

Н. Флеровский

Положение рабочего класса в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Флеровский**
Положение рабочего класса в России / Н. Флеровский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 498 с.

ISBN 978-5-518-08744-6

ISBN 978-5-518-08744-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ сочиненіи я имѣлъ въ виду отвлечь наше общество отъ погони за мелочными цѣлями, которыя ему выставляются, какъ великія насущныя потребности, разными заинтересованными сторонами, или которыми стараются занять его страсти, придавая имъ видъ прекрасной прогрессивной дѣятельности. Я старался показать, какая на немъ лежитъ дѣйствительно великая обязанность, и если съ перваго взгляда это великое дѣло покажется ему неосуществимымъ или невозможнымъ, то пусть же оно подумаетъ объ немъ серьезно. Только съ серьезной думой, съ глубокимъ чувствомъ можно совершать дѣйствительно прекрасное. Общество не должно забывать, что первая обязанность образованнаго человѣка — это плодить жизнь на землѣ. Отъ этой обязанности онъ не имѣетъ права отрекаться, или же долженъ отречься также и отъ человѣческаго своего достоинства. Между интеллектуальной дѣятельностью и матеріальной работой существуетъ самая тѣсная связь. Люди, которые считаютъ для себя выгоднымъ накладывать руку на матеріальный трудъ, будутъ врагами и интеллектуальной дѣятельности: рабовладѣльцу не нуженъ агрономъ и еще менѣе нуженъ юристъ; чѣмъ болѣе фабрикантъ имѣетъ власти надъ рабочимъ и надъ публикой, посредствомъ низкой заработной платы и протекціонной системы, тѣмъ менѣе для него необходимы техникъ и политико-экономъ, — онъ тогда не ищетъ честнаго и знающаго чиновника и судью, а ему надо невѣжественнаго взяточника, котораго легко подкупать и заставлять сѣчь и притѣнять рабочихъ. Интеллектуальный работникъ тогда только будетъ нуженъ капиталисту и землевладѣльцу, когда изъ капитала и изъ земли нельзя будетъ извлекать дохода въ ущербъ рабочимъ и въ ущербъ покупателямъ произведеній, а когда для этого нужно будетъ возвышать производительную силу капитала и земли. Желая разъяснить великую солидарность интересовъ въ нашей общественной жизни, я не пускался въ мелочныя описанія и разъясненія жизни отдѣльных рабочихъ, — я бралъ только самыя крупныя группы и описывалъ ихъ въ великихъ отличительныхъ чертахъ ихъ жизни. Нѣкоторыя главы изъ этого сочиненія уже

были напечатаны въ поврежденных изданіяхъ, но здѣсь онѣ являются съ существенными дополненіями. Я избѣгалъ повтореній, но повторенія эти все-таки вкравлись, потому что въ разныхъ частяхъ книги мнѣ приходилось описывать работниковъ одного и того же рода, но въ разныхъ мѣстностяхъ, или работниковъ различнаго рода, но одной мѣстности, — приходилось мнѣ говорить, такимъ образомъ, и о чертахъ общахъ всѣмъ или очень многимъ рабочимъ группамъ. Не описаны мною двѣ большія и интересныя группы рабочихъ — рабочіе столицъ и казаки; но это потому, что такое описаніе, само по себѣ очень интересное, не соответствовало бы однакоже цѣли настоящаго сочиненія, точно также, какъ напр. описаніе жизни колонистовъ. Всѣ эти описанія представляли бы картины совершенно побочныя, были бы лишнимъ бременемъ при развитіи идеи сочиненія и не вели бы къ общему заключенію. Поэтому я напримѣръ казаковъ, башкиръ, калмыковъ коснулся именно лишь настолько, насколько они нужны были для общей цѣли. Точно также поступалъ я и со всѣми другими группами. Изслѣдованія дали мнѣ массы фактовъ, факты дали мнѣ выводы; когда выводы были получены, я оставлялъ конечно только тѣ факты, которые къ нимъ привели и ихъ объясняли, а остальные отбрасывалъ. Это пріемъ неизбѣжный не только въ наблюдательныхъ, но и во всѣхъ опытныхъ наукахъ. Еслибы химикъ повѣщалъ ученому міру о всѣхъ неудачныхъ попыткахъ, которыя были имъ сдѣланы, или о всѣхъ не приведшихъ къ результату опытахъ, то ему безъ всякаго сомнѣнія замѣтили бы, что науку трудно обнять по множеству нужныхъ фактовъ, а обременять ее еще излишними — крайне неумѣстно, что если онъ хочетъ сообщить ученому міру что-нибудь интересное, то онъ долженъ описать не тѣ опыты, которые ни къ чему не повели и показали только его неловкость, а тѣ, которые дали полезный для науки результатъ.

ЧАСТЬ I.

РАБОТНИКЪ СИБИРИ,

СЪВЕРНОЙ И ПУСТЫННОЙ РОССИИ.

ГЛАВА I.

Работникъ бродяга.

«Охъ, плохое наше житье,—слышится всюду въ средней Россіи,—земли у насъ малыя, оброки большіе и повернуться какъ не знаешь; вотъ въ Саратовской губерніи или въ Пермской,—тамъ житье: земли много, пашни сколько хочешь, тамъ и умирать не надо». Поѣхалъ я посмотрѣть на Эльдорадо въ восточной Россіи, но, лишь только забрался въ самое сердце Пермской губерніи, услышалъ ту же пѣсню: «плохое наше житье, вотъ въ Тобольской губерніи тамъ житье, такъ житье, тамъ и землю никогда не унавоживаютъ». Спѣшу въ Тобольскую губернію, но тамъ оказывается также плохое житье и восхваляется Томскій округъ: «тамъ-де и лѣса изобильные и земли недѣленныя». Но и въ Томскомъ округѣ крестьянинъ оплакиваетъ свою горькую участь; «здѣсь земли легкія, не плодоносныя,—говоритъ онъ,—зима суровая, ничего не родится; вотъ въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округѣ тамъ богатство, и хлѣбъ, и медъ, и лѣсъ—все въ изобиліи». Добрался я до Кузнецкаго округа—и что же? хотя бы я встрѣтилъ тѣнь довольства своею судьбою. «Зачѣмъ и дѣти-то у насъ рождаются,—кричатъ матери въ одинъ голосъ—пусть бы они умирали скорѣе, намъ бы легче было». Гдѣ же хорошо? спрашиваю я, наконецъ, въ недоумѣніи. «Въ восточной Сибири, тамъ хорошо», отвѣчаютъ мнѣ. Но терпѣніе мое достигло своего предѣла, я не вѣрю болѣе рабочему человѣку, а начинаю спрашивать образованное сословіе... Оказывается совершенно наоборотъ: я слышу тутъ однѣ утѣшительныя рѣчи. «У насъ—говорятъ—не то, что въ Англіи или въ западной Европѣ, у насъ нѣтъ пролетаріевъ, здѣсь народъ благоденствуетъ». Въ восточной Россіи похвалъ еще болѣе: «у насъ здѣсь все дешево,—повторяютъ мнѣ,—и хлѣбъ, и мясо, у насъ здѣсь народъ не умираетъ

4 РАБОТНИКЪ СИБИРИ, СЪВЕРНОЙ И ПУСТЫННОЙ РОССИИ.

съ голоду, голодныхъ мы здѣсь не видали». Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, въ Сибири похваляемъ нѣтъ конца; «у насъ здѣсь, — говорятъ мнѣ, — не то, что у васъ въ Россіи, здѣсь голодныхъ не водится, народъ ржаного хлѣба и ѣсть не станетъ, курныя избы здѣсь неизвѣстны, народъ живетъ чисто, а вашихъ російскихъ называетъ лапотниками — презрительное названіе, данное народомъ, который никакой другой, кромѣ кожаной, обуви не носитъ. Если же хотите посмотреть на богатство и роскошь сибирскаго рабочаго, то поѣзжайте на золотые промыслы. Когда рабочіе возвращаются съ промысловъ, они кутятъ такъ, что и нашему брату не всегда удастся такъ позабыться, нанимаютъ музыкантовъ, устилаютъ улицы кусками ситца и въ одинъ день издерживаютъ сто или двѣсти рублей. Бываютъ случаи, что одинъ работникъ получить при расчетѣ за лѣто восемьсотъ рублей и черезъ мѣсяцъ не имѣетъ ни одной копейки изъ этихъ денегъ». Много я слушалъ подобныхъ разсказовъ, но одно мнѣ показалось подозрительнымъ, что всѣ эти панегиристы народнаго благосостоянія въ одинъ голосъ повторяли, что у насъ рабочаго человѣка необходимо сѣчь, что безъ розогъ ничего не сдѣлаешь. Гдѣ розги, тамъ рабство, грязь и бѣдность; розги и благосостояніе двѣ вещи несовмѣстимыя: человѣкъ, пользующійся благосостояніемъ, не позволитъ себя сѣчь; человѣкъ, котораго сѣкутъ, никогда не будетъ пользоваться благосостояніемъ, потому что онъ будетъ грязенъ и нравственно униженъ. — Окончательно запутавшись въ лабиринтъ противорѣчивыхъ разсказовъ и взглядовъ на дѣло, я отправился на золотые промыслы, чтобы посмотреть на дѣйствительность и съ нитью личнаго наблюденія добраться до истины.

Порядочная горка! сказалъ я своему спутнику, поднимаясь шагомъ по узкой тропинкѣ, круто взвивавшейся по обрыву скалистой горы. Подо мною, въ безднѣ, бурлилъ весенній потокъ, покрытый корою снѣга, надо мною почти отвѣсно поднималась черная скала и на небѣ рисовались росшія въ трещинахъ деревья. На узкой тропѣ поминутно скользило осторожное копыто лошади; отрывался камень, скакалъ по обрыву, какъ пущенное ядро, разбивался на куски и его осколки летѣли со свистомъ, какъ у разорвавшейся бомбы. Несмотря на покойное положеніе на лошади, сознаніе опасности такъ утомляло нервы, какъ будто-бы я самъ карабкался по крутизнамъ. Каждую минуту я измѣрялъ глазами сокращавшуюся тропинку. Еще нѣсколько шаговъ и мы поднялись на лужайку, среди которой стояла небольшая сопка †). Отъ сопки этой до золотого прииска считалось съ небольшимъ пятьдесятъ верстъ. Очутившись на ровномъ мѣстѣ, я приготовился отдохнуть и пустилъ лошадь свою рысью, но едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, какъ лошадь фыркнула, наострила уши

†) Сопкою называютъ въ Сибири конусообразную гору.

и вихремъ винулась въ сторону; въ тоже время цѣлая стая хищныхъ птицъ поднялась съ разныхъ сторонъ и закружилась въ воздухѣ. Я увидѣлъ зрѣлище, весьма обыкновенное на сибирскихъ дорогахъ: полусъѣденный птицами трупъ лошади, съ отвратительными красными ранами и выклеванными глазами. Рядомъ съ нимъ лежало еще что-то; я едва могъ осмилить себя, чтобы разсмотрѣть, и разсмотрѣлъ трупъ челоуѣка, умершаго отъ голода. Онъ, по-видимому, хотѣлъ раздѣлить трапезу съ хищными птицами, но не успѣлъ и кончилъ свое существованіе. Павшая на дорогѣ лошадь была для меня зрѣлищемъ привычнымъ, но подобное прибавленіе такъ меня поразило, что я едва не лишился сознанія. «Господи.— вскричалъ мой проводникъ,—это Король, мы съ нимъ вмѣстѣ на промыслѣ работали». Онъ совершенно растерялся, безъ причины привязалъ лошадь къ дереву, какъ будто хотѣлъ что-то сдѣлать, но только совался въ разныя стороны. Глядя на его оборванную фигуру, на торчащіе черные волосы, мнѣ пришла въ голову мысль, и я спросилъ его, не ожидаетъ ли онъ и для себя подобной участи? «Чего добраго,—отвѣтилъ онъ,—въ этой проклятой сторонѣ не мудрено дожидаться, тутъ не то, что у насъ на Дону...» и пошелъ. Я остановилъ потокъ его краснорѣчія замѣчаніемъ, что нужно дать знать исправнику. «Вонъ-на,—отвѣчалъ онъ,—мало ли ихъ здѣсь по тайгамъ-то пропадаетъ, такъ обо всѣхъ и давать знать»; онъ прибавилъ, что скажетъ священнику, чтобы онъ заочно отпѣлъ покойнаго †).—Мнѣ сдѣлалось страшно, и я, для развлечения, посмотрѣлъ кругомъ себя. Подо мною была глубокая долина, утопавшая въ лѣсной зелени, по срединѣ вилась рѣка по бѣлымъ камнямъ и яркой полосой желтѣлъ среди зелени песокъ. Съ боку камня были террасами наворожены на груды камней, и образовались двѣ скалы; зелень между камнями была такая нѣжная, налитая, что она казалась скорѣе какимъ-то призракомъ, чѣмъ дѣйствительностью, и каждую минуту я ожидалъ, что она расплывется въ воздухѣ. Далѣе кругомъ, въ долинахъ, по холмамъ разросся безконечный лѣсъ; то онъ падалъ съ горы крутымъ скатомъ къ рѣкѣ, и на вершинѣ стояла сопка, то грядями поднималась его кудрявая зелень и густою тѣнью опускалась въ долину. Въ одномъ мѣстѣ рисовался на зеленомъ фонѣ рядъ остроконечныхъ горъ, покрытыхъ чернымъ лѣсомъ, въ другомъ лѣсистая вершина нависшей скалы грозила съ грохотомъ обрушиться въ долину и запрудить рѣку камнями. Все это кончалось зубцами сплошнаго лѣса. Надъ ними неясно былъ видѣнъ другой рядъ зигзаговъ темнаго лѣса; тутъ видны были и круглыя, и острые вершины. длинные скаты и темныя долины. Еще далѣе, вдоль всего горизонта, тянулась цѣпь бѣлоснѣжныхъ горъ. То они возвышались зигзагъ надъ зигзагомъ и какъ будто устремлялись, чтобы достать небо, то вытягивались длиннымъ волокомъ. Съ живописной пестротой мѣнялись на горныхъ вершинахъ бѣлоснѣжная полоса съ темною отъ лѣсостаго оврага и, послѣ ряда

†) Заочное отпѣваніе встрѣчается не только въ Сибири, но и въ восточной Россіи.

угловъ, протянулись двѣ круглыя вершины самаго яркаго, розово-бѣлаго блеска и на нихъ хотя бы пятнышко тѣни. Надъ головою золотое небо. Кругомъ меня свистали соловьи, звонко раздавались трели одного, и свозъ мощные, полные звуки едва можно было слышать отдаленное пѣніе другихъ. Мнѣ невольно пришло въ голову — вотъ какова природа и вотъ судьба человека! — Какъ же это случилось, чѣмъ объяснить такой ужасный конецъ рабочаго? — Будемъ на промыслѣ, все объяснится †).

†) Извѣстіе о рабочихъ, умирающихъ въ тайгѣ отъ голоду и страданій, не въ первый разъ является въ печати; о рабочихъ, умирающихъ въ Енисейской тайгѣ, говоритъ Кривошапкинъ, въ сочиненіи: «Енисейскій округъ и его жизнь. С.-Петербургъ 1865 г.» На стр. 191 сказано: «золотопромышленники и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ особенной, коммерческой точки зрѣнія; они говорятъ, что наши пріисковья больницы основываются только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затажно-больныхъ, и надобно основать гдѣ-нибудь въ болѣе жиломъ мѣстѣ, или даже въ городѣ, общую лечебницу, куда бы свозить ихъ. А то, при каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, хроническаго слезястаго катарра, чахотки и т. п., рабочихъ рассчитываютъ, съ означеніемъ въ расчетныхъ листахъ: «рассчитанъ за болѣзнь; остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года». Безъ всякаго приращенія, безъ подводы, отправляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ переменамъ суровой погоды — его мочить въ дождь и сверху и снизу, вѣтры пронизываютъ насквозь его дырявую одежку, жуется онъ кое-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ смотрите: одинъ, въ конвульсіяхъ, умираетъ на дорогѣ еще въ границахъ пріисковъ, и предается землѣ, съ вѣдома пріисковой полиціи, жильцами сосѣдняго зимовья. Другаго смерть застигаетъ гдѣ-нибудь на зимовьѣ, и, жарясь отъ боли на печи, прерываетъ онъ свои оханьями да глубокими вздохами тишину одинокой хижины; говорю одинокой, потому что живутъ чаще безъ семействъ, и въ ночное время можетъ вторить стону его развѣ сназочникъ-котъ своимъ мурлыканьемъ, да храпъ зимовника, да ввѣдка съ просонья тавканье собаки, когда приснится ей какая-нибудь изъ дневныхъ сценъ. Третій протаскиваетъ всю тайгу, умереть гдѣ-нибудь вблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сопкахъ въ котелочкѣ воду для питья, въ Анцеевской уже волости и составляетъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра для окружнаго врача. Четвертый дотаскивается до Енисейска и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни въ квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ, отъ чахотки, гдѣ-нибудь въ уютномъ уголку у забора, какъ случилось мнѣ видать. Пятый препровождается въ городскую больницу и, горько смотрѣть, — оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью, даже дотога, что нельзя узнать лица человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ — и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одной, то другой стороною, обличаютъ въ немъ живого человека, тѣмъ болѣе, что другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ и

Не стая вороновъ слеталась
 На груды глѣющихъ костей —
 Удамыхъ шайка собиралась

Пушкинъ.

Пекарскій былъ знаменитый управляющій золотыми приисками. Въ его рукахъ и бездоходный промыселъ дѣлался доходнымъ. Золотопромышленники смотрѣли на него съ умилениемъ, а исправникъ и горное начальство превозносили его до небесъ — всѣмъ умѣлъ угодить Пекарскій. — Въ чемъ тайна вашего искусства?—спросилъ я его, выбравъ минуту откровенности. — Во многомъ, — отвѣтилъ онъ, — хотя наприимѣръ въ томъ, что у меня никогда не бывало рабочихъ съ незаконными видами (это было преувеличеніе). — Было уже поздно вечеромъ, звѣзды показались на небосклонѣ, торопливою рысью я приближался къ промыслу, которымъ управлялъ Пекарскій въ тайгѣ..... округа. Нужно было нѣсколько верстъ ѣхать подъ гору. Когда мы стали приближаться къ промыслу, мы увидѣли, что работы на немъ были еще въ полномъ ходу. Мой проводникъ не могъ удержаться, чтобы не обратить на это мое вниманіе. «Живодеръ этотъ Пекарскій, — сказалъ онъ мнѣ, — ни на одномъ промыслѣ такой тяжелой работы нѣтъ, какъ у него. На зимнихъ работахъ у него народъ изъ силъ выбился, а потомъ онъ ни одному не заплатилъ, многіе погибли въ тайгѣ, какъ собаки, отъ голоду. Сначала они было въ Енисейскѣ кинулись, смуту большую сдѣлали въ городѣ, все начальство узнало, а потомъ, какъ стали ихъ перебирать — тотъ безъ паспорта, другой безъ паспорта... Они бѣжать изъ Енисейска и оказалось, что онъ со всѣми раздѣлался, какъ слѣдуетъ». Близъ самаго промысла мы остановились и очутились въ кругу рабочихъ, возвращавшихся съ работы. Какая смѣсь одеждъ и лицъ: тутъ былъ и черкесь, и финнъ, и буряты изъ восточной сибиря; кто пришелъ въ лаптяхъ, кто въ сапогахъ; одинъ пришелъ безъ вида изъ Россіи,

засыпаютъ черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу. Вотъ таковы-то больными наполняется ваша Енисейская больница и число больныхъ въ ней достигаетъ втрое противъ комплекта». Это свидѣтельство мѣстнаго врача, написанное явно подъ впечатлѣніемъ многократнаго опыта, не можетъ быть заподозрено въ преувеличеніи; если подобная участь можетъ ожидать рабочаго, имѣющаго законный видъ и всѣ законные документы, то читатель можетъ себя представить, что бываетъ съ бродягою. Это сочиненіе, изданное географическимъ обществомъ и посвященное графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, вовсе не имѣло главною цѣлью описаніе положенія рабочаго на золотыхъ приискахъ; главною цѣлью его было описаніе сѣвернаго края и звѣроловства, въ прочихъ своихъ частяхъ оно всего болѣе географическое и, если авторъ говоритъ съ нѣкоторою подробностью о томъ, какъ умираютъ въ тайгѣ больные, то исключительно потому, что это явленіе слишкомъ поразило его во время его медицинской дѣятельности, и самый тонъ разсказа показываетъ, что онъ какъ-бы невольно вырвался у него изъ души. Впечатлѣніе было слишкомъ сильно, чтобы сохранить его въ себѣ, при описаніи края.

другой бѣжалъ изъ каторги. Грязные, оборванные, они представляли видъ самый жалкій. Деревня, гдѣ жили всѣ эти рабочіе, помѣщалась въ глубокой ямѣ, между горами. На краяхъ этой ямы, нѣсколько сажень выше домовъ, лежалъ почти все лѣто, со всѣхъ сторонъ, снѣгъ. Какъ скоро солнце садилось, въ ней воздухъ былъ такой сырой и холодный, что безъ теплаго платья нельзя было показать носу на улицу; въ шубѣ было только не холодно. Между тѣмъ, многіе рабочіе, кромѣ рубахи, ничего на себѣ не имѣли, посмиѣли и дрожали отъ холода. «Что, толсторожіе, шен-то у васъ поубавилось немного?» замѣтилъ мой слугинкѣ, обращаясь къ толпѣ. Это была горькая иронія, люди эти были худы и блѣдны, какъ тѣни. Рабочія лошади такъ были измучены, что отъ нихъ остались одни только остовы, но хозяинъ объ этомъ не заботился, ему бы лошадь только дослужила до осени, а тамъ, если пропала, то туда ей и дорога. «Встрѣчалось ли вамъ такое, разноплеменное населеніе? — сказалъ мнѣ Пекарскій, — но зато я ихъ держу въ рукахъ; у меня конюхи лихіе: кого вспорять, тотъ будетъ помнить». — Вы ихъ порядочно прижимаете, должно быть? — сказалъ я. — «Прижмешь ихъ! — отвѣтилъ онъ, — они всѣ безпаспортные, они разбѣгутся, вотъ я и слѣду на бобахъ, или золото будутъ на сторону продавать, тогда дохода не будетъ». Пекарскій кривилъ душою: его рабочіе вовсе не обладали такими легкими средствами, чтобы защитить себя отъ притѣсненій. Конечно, нужно родиться злодѣемъ, чтобы систематически пользоваться слабыми сторонами нашего социальнаго быта, какъ ими пользовался Пекарскій. Но если мало людей дѣйствуютъ изъ злодѣйскихъ цѣлей, то многіе дѣлаютъ тоже по слабости характера или по трудности своего положенія. Какъ скоро существуетъ недостатокъ, то неизбѣжно явятся и люди, которые будутъ пользоваться имъ. Всякій разорившійся золотопромышленникъ по инстинкту самосохраненія дѣйствуетъ точно также, какъ Пекарскій, а чтобы дать понятіе о числѣ разорившихся золотопромышленниковъ достаточно сказать, что разоряются золотопромышленники, въ родѣ Готовыхъ, у которыхъ пріиски, въ теченіе всего времени разработки, ни разу не дали убытку и до сего времени считаются золотымъ дномъ. Разорились они отъ безалабернаго хозяйства и отъ крайне высокихъ процентовъ на заемный капиталъ. Золотые промыслы находятся всегда въ непроходимыхъ лѣсахъ, за болотами и горами, не только вдали отъ всякаго жилья, но въ такихъ мѣстахъ, куда провозъ всякаго товара крайне затруднителенъ и куда никто не поѣдетъ безъ заказа. Иногда провозъ товаровъ лѣтомъ даже вовсе невозможенъ, — весь запасъ долженъ быть сдѣланъ зимою; промышленникъ не можетъ надѣяться обставить свой промыселъ покупкою у окрестныхъ жителей, — необходимо дѣлать запасы посредствомъ поставщиковъ, а поставщики и состоятельнаго золотопромышленника иногда такъ нагибають †), что самый богатый промы-

†) «Нагибать» выраженіе весьма употребительное на золотыхъ промыслахъ; оно значитъ: поставить человека въ безвыходное положеніе, при которомъ онъ вынужденъ или дорого платить за товаръ, или дешево продавать.